

Фришманов А

1984

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

20 декабря 1984 г. № 152 (5940)

БЕСЕДЫ О МАСТЕРСТВЕ

ЛЮБЛЮ, КОГДА ОСТАЕТСЯ ВОПРОС

Актер, который много и успешно снимается в кино, работает в театре, участвует в телеспектаклях, создавая разные характеры, играя не похожие одна на другую роли, всегда интересен зрителям. Если же актер притом еще сочиняет стихи, песни и находит время на поэтические переводы, то возникает естественное желание поближе познакомиться с его творческой лабораторией, рабочими буднями, надеждами и сомнениями.

Об этом сегодня разговор с популярным артистом театра и кино Леонидом ФИЛАТОВЫМ.

— Леонид Алексеевич, в статьях критиков, оценивающих ваше творчество в кинематографе, иногда высказывается мнение, что вы разбрасываетесь в выборе ролей, что при обилии работ у вас будто бы отсутствует своя актерская тема. Вы сами это ощущаете?

— Нет, не ощущаю. Конечно, постоянная смена костюмов, места и времени действия, профессиональной и социальной принадлежности моих героев создает впечатление некой разбросанности. Видимо, есть основания для упреков за участие иногда в картинах, которые, прямо скажем, не блещут качеством. Но в целом, кажется, я всегда придерживаюсь своей четкой внутренней позиции и темы.

Сниматься я начал довольно поздно, уже тогда, когда много работал в театре и на телевидении. Кстати, на телевидении я как раз любил раньше экспериментировать, чисто профессионально, конечно. Стремился сегодня сыграть, что называется, рафинированного интеллигента, а завтра — прощельгу, бандита. Но то было освоение технологии мастерства и, наверное, молодость. В кино же все оказалось иначе.

Когда снимали «Экипаж» (а именно этот фильм я считаю своим поздним дебютом в кино, до него были лишь неудачные и незамеченные попытки), я уже был довольно «установленным» актером, хотя еще и сохранившим творческий интерес. Новая работа стала для меня подлинным началом киногографии. Картина была популярной. После «Экипажа» я стал получать предложения, сценарии. И старался сам для себя выбирать характеры, заключающие драму, конфликт, внешний или внутренний, какую-то эмоциональную сложность.

— Значит, вы так определили для себя свою актерскую склонность?

— Да, в общих чертах именно так: каждая роль, каждый характер — драма. Но, повторяю, могли быть случайные от нее отходы или, наоборот, объективные накладки — не заладившиеся контакты с режиссером, неудачный монтаж, мои профессиональные ошибки. Сама же внутренняя тема роли была взята мной всерьез, и я держал ее жестко, независимо от того, кого играл — уголовника или следователя милиции.

Например, когда я входил в фильм «Грачи», а меня туда не очень-то «пускали», я понимал, что отстаю от привычного амплуа. Новый персонаж грозил мне перспективой навсегда остаться «в преступниках». Но в этом об-

разе я попытался опять-таки почувствовать и раскрыть внутреннюю драму, надрыв, заключенный в противоречиях жизни и характера героя. С одной стороны, убежденный жестокий преступник, с другой — человек, искренне и нежно любящий младшего брата. И этот, с точки зрения многих, рискованный актерский опыт мне, к счастью, не повредил. Игра была оправданна.

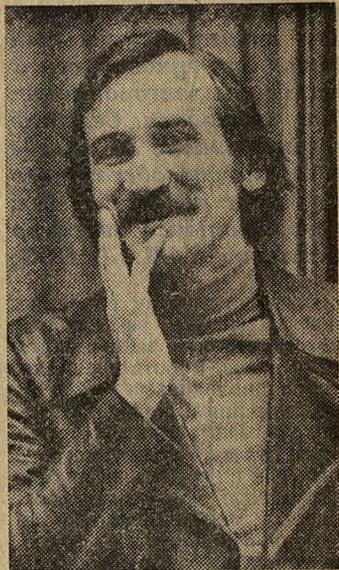
Как в фильме «Избранные», так и в картине «Грачи» мне было важно показать человека, надломленного, подорванного жизненными обстоятельствами. А выносить приговор своим героям — это уже другое дело. Вот герой телефильма «С вечера до полудня» по пьесе В. Розова — слабый или сильный человек? Он мучается от любви к ушедшей от него жене, страдает, боясь потерять сына, и от этого больше слабеет. Но в итоге неясно — победитель он или побежденный? А я очень люблю, когда остается вопрос.

— Режиссер фильма «Избранные» Сергей Соловьев в одной из статей, говоря о ваших актерских возможностях, еще не до конца раскрытых, как он считает, попытался по-своему определить вашу творческую тему. По его мнению, это тема человека, больно страдающего от несовершенства окружающего мира. Точна ли такая формулировка?

— Отчасти. Мои герои страдают ведь не только от несовершенства окружающего мира, но прежде всего от собственного несовершенства, не всегда даже это четко осознавая. В том и особая острота наиболее драматических образов.

— Скажите, а что обещает фильм, в котором вы сейчас снимаетесь?

— Сейчас я работаю с режиссером А. Зархи над главной ролью в фильме о Чичерине. Это первый в моей актерской практике реальный исторический персонаж. Характер героя очень интересный и опять-таки неоднозначный. Мне хотелось бы показать, что в этом человеке сочетались простодушие и мужество, государственный ум и эмоциональность поэта, изысканность манер и горячность. Работа идет непросто, и о результатах говорить пока рано. Стоит, наверное, заметить, что на съемочной площадке мы нередко ограничены в своих актерских возможностях. А в готовой работе еще больше зависим от монтажа, который может сделать из тебя, грубо говоря, и бездарность, и талант. Фильм снимается как минимум 4—6 месяцев. Далеко не у всякого актера сохраняются в течение такого длительно-

го срока неизменными и эмоциональными, и физические силы. Кино — это трудная работа.

— Пожалуй, в вас сейчас говорит театральный актер, приверженность к сцене.

— Нет, это особый разговор. Театр и кино, конечно, совершенно разные вещи. Но я считаю, что вообще не может быть самостоятельной профессии — киноактер. Возможно, это слишком категорично, только я думаю, без театральной сценической практики и школы в кино нельзя стать артистом. Конечно, есть исключения, однако, по-моему, сейчас лучше, полноценнее снимаются именно театральные актеры. Сказывается театральное наполнение.

Разговор о профессии актера всегда труден. В целом истинный профессионализм, по-моему, начинается тогда, когда человек перестает думать о своей профессии, а думает только о существе дела, о творческой задаче.

— Что вы думаете об уходе актеров в режиссеры, всегда ли оправданы такие метаморфозы?

— Я не поклонник этого перехода. Тем более уже известен печальный опыт актеров, проживших на новом поприще немало лет, но скорее потерявших свое «я», чем приобретших новое творческое качество. Никита Михалков — приятное исключение на этом пути, он стал опытным режиссером и остался прекрасным актером. Это, конечно, совершенно разные профессии. Режиссер ведь не просто репетитор, наставник актеров, он прежде всего соиздатель, творец, художник. Так во всяком случае я понимаю предназначение этой профессии.

— Кому из нынешних кинорежиссеров вы симпатизируете?

— Я очень ценю Сергея Соловьева и Константина Худякова, и дело здесь не в наших товарищеских отношениях и опыте совместной работы, а в особом даре этих режиссеров — умении видеть фильм. Я люблю людей со своим индивидуальным творческим почерком, и к ним отношусь Элема Климова, Ники-

ту Михалкова, Алексея Германа, Ираклия Кверинадзе, Отара Иоселлиани... Это режиссеры с особым ощущением кино. Не могу не вспомнить также интересные работы Константина Ершова и, конечно же, Александра Митты, которого люблю, несмотря на его метания и не всегда удачные поиски. В основном все названные мной кинорежиссеры занимаются и литературной деятельностью, что чувствуется в их кинотворчестве и особенно импонирует мне.

— А к своему собственному литературному творчеству вы относитесь серьезно? Оно помогает вам как актеру, художнику?

— Мне трудно отвечать на этот вопрос. Стихи и тексты песен, которые печатались где-то или звучали в театральных и телевизионных постановках, для меня не принципиальная сфера деятельности. Боясь сказать громко «сочинять», но просто сесть за письменный стол в отдельные жизненные моменты бывает для меня душевной потребностью, способом выражения каких-то эмоций.

— Как вы относитесь к зрительскому вниманию и в целом к актерской популярности?

— Сложно. Актер, конечно, замечательная профессия, но по своей сути очень зависима как от режиссера, авторского замысла, так, увы, и от своей популярности. И последняя зависимость бывает порой довольно унижительной. Потому что за интересом к актеру нередко скрывается пустое любопытство зрителя, иногда агрессия поклонников или их необоснованное желание, чтобы любимым артистом обязательно соответствовал образу своих героев. Негативную сторону популярности я испытал на себе после выхода «Экипажа». Но я уже тогда был совершенно взрослым человеком, и у меня хватило чувства юмора спокойно отнестись к активным проявлениям внимания, особенно со стороны молодежной аудитории, почему-то отождествлявшей актера Филатова с героем фильма Скворцовым. Может быть, именно потому мне тогда захотелось показать зрителям, что я пишу стихи, что у меня совсем иные нравственные идеалы и что мне важно быть оцененным с других позиций и в другой аудитории.

— Мы уже говорили об этом, и все же... Ваше мнение о наиболее важном качестве именно современного актера.

— Я думаю, разговор о главном в сегодняшнем актере — это разговор и о главном в человеке наших дней вообще. О том, как человеку стало порой непросто справиться со всеми недостатками и соблазнами современной насыщенной информационной жизни, как трудно привыкнуть к бешеному ритму наших трудовых будней, быстрой смене впечатлений. Наверное, от актера, от художника, как от всякого человека, требуется теперь прежде всего быть неравнодушным к жизни, к ее красоте, к окружающим людям. Во все времена ведь самым дорогим остается тепло человеческого общения, взаимопонимание — это залог добра и мира. Слов много, и найти какую-то одну формулу нелегко. Хочется просто, чтобы человек всегда оставался Человеком.

Беседу вела
Н. ЛУКИНЫХ.
Фото Б. Кремера.